

Д.И. ФОНВИЗИН И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Основной учебный текст

I. Денис Иванович Фонвизин принадлежит к тем — очень немногим — авторам XVIII столетия, чье творческое наследие не осталось замкнутым в пределах его века; оно продолжало ощущаться в качестве живой составляющей литературного движения и в последующие эпохи. Однако при этом литературная репутация Д. И. Фонвизина в своем историческом развитии оказалась значительно уже амплитуды его писательских устремлений — художественные достижения Фонвизина также постепенно свелись в первую очередь к **сатире**, преимущественно театральной, т. е. к его **комедиям**. «Сатиры смелый властелин» — эта общеизвестная пушкинская формула обычно воспринимается как если и не исчерпывающая, то во всяком случае достаточно полная характеристика фонвизинского литературного наследия; к ней постепенно прибавилось еще одно, дополняющее сатирический пафос творчества Фонвизина, определение: Фонвизин — общественно-политический деятель революционной (хотя и непоследовательной) ориентации. В связи с этим смеховая (при всей обличительности) сатирическая ангажированность Фонвизина в течение долгого времени вводилась в жесткие политико-идеологические границы (подобным идеологизирующим и даже политизирующим Фонвизина креном особенно отмечены работы Г. П. Макогоненко).

Нет сомнений в глубокой и постоянной заинтересованности Фонвизина в делах политического толка, более того, он непосредственно вмешивался в эти дела, стремясь играть именно политическую (и не последнюю) роль; в известном смысле это ему удалось. Так же бесспорен и фонвизинский интерес к идеологическому регистру общественной мысли: и в его переводах, и в оригинальной его публицистике политическая идеология занимает, возможно, центральное место. Отчетливо она ощутима и в главных его достижениях — «Бригадире» и, особенно, «Недоросле». Явно проступают идейные пристрастия писателя и в прозаических сочинениях 1780-х годов, достаточно назвать его повесть «Каллистен». И все же сводить литературное творчество писателя к сатирическому обличению и распространению определенных политических идей вряд ли стоит: оно несоизмеримо содержательнее и, так сказать, разветвленное; Фонвизин двигался не в одном, а сразу в нескольких направлениях, наметив (и отчасти реализовав) разные возможности, открывавшиеся перед словесностью во второй половине XVIII столетия. Его значение для позднейшей русской литературы в первую очередь обусловлено как раз этим, а не попытками утвердить ту или иную идеологию, и уж тем более не политическими его действиями. В историю русского художественного слова он вошел, все же, не как боевитый публицист, но как выдающийся (если не великий) писатель, опробовавший громадный свой талант в весьма разных жанрах и обращавшийся к различным стилистическим стратегиям.

II. Первое, на что хочется в данной связи обратить внимание, в известном смысле находится несколько в стороне от идейно-содержательного спектра фонвизинского художественного мира; оно касается, скорее, его литературных ориентиров: писатель неоднократно проявлял отчетливый и сознательный интерес к высоким жанрам риторической словесности — **трагедии**, прозаическому панегирику, прозаической же эпопеи. И если в переводе «Альзиры» Вольтера (1761–1763) — несмотря на успех данного предприятия, о котором вспоминал позднее сам переводчик, — трудно видеть удачу начинающего автора, то о его ораторской прозе и опытах в переводах прозаического эпоса этого сказать нельзя.

Главные достижения Фонвизина в области торжественного красноречия приходятся на годы: его творческого расцвета, что само по себе и важно, и показательно — это его оригинальное «Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 году» (1771) и переводное «Слово похвальное Марку

Аврелию» А.-Л. Тома (1777). Второе своей проблематикой как бы подхватывает первое: в обоих «Словах» обсуждается приблизительно один и тот же круг просветительских политико-социальных идей. Но вот стилистическая их фактура различна: как и должно произведениям высокого жанра, они отмечены высокостью стиля, однако степень этой высоты в них явно не одинакова. «Слово на выздоровление... Павла Петровича» подчеркнуто возвышенно, оно написано «в высокаторжественном стиле славянизированных ораторских произведений, образцы которых дал Ломоносов» (Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы. Т. IV. М.; Л., 1947. С. 169), а до него — целая плеяда церковных проповедников. А вот в «Слове похвальном Марку Аврелию», церковнославянская литературно-языковая стихия занимает несравненно более скромное место. Естественно, и в языке «Слова похвального Марку Аврелию» немало славянизмов (вещал, орошати, токмо, кои, вещая, тако и др.), встречаются там и анафоры, и риторические обращения, и восклицания. Но здесь они, маркируя произведение как «высокое», не придают ему несколько архаизированного и в этой архаизированности затрудненного характера, как в «Слове на выздоровление...». И дело здесь не только в количественных показателях; они важны, но, возможно, еще важнее принципы синтаксической организации текста, совсем иные, нежели в предшествующем панегирике: в «Слове похвальном Марку Аврелию» преобладают относительно простые конструкции с ограниченным числом инверсий, в результате чего ритмический рисунок «Слова похвального...» существенно отличается от ритмических доминант русского торжественного красноречия предшествующего периода (которые как раз и определяли ритм «Слова на выздоровление...»). С известной долей преувеличения, но можно сказать, что в «Слове похвальном Марку Аврелию» Фонвизин предлагает новый для русской словесности стилистический тип торжественного слова, причем высказывая те же самые идеи, что и в предыдущем «Слове...», где они выразились в весьма традиционной форме. Конечно, многое здесь объясняется особенностями оригинала, которому Фонвизин стремился соответствовать — пусть и в пределах, допускаемых его эпохой; кстати, соответствие это отмечалось в рецензии на фонвизинский переводческий опыт, помещенной в «Санктпетербургском вестнике»: «в переводе своем сохранил силу и красоту подлинника» (Цит. по: Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 229). Но можно, наряду с этим, предположить и сознательное стремление автора испробовать разные стилистические варианты эпидейктического красноречия, более того, те изменения риторического стиля, которыми отмечено движение от «Слова на выздоровление...» к «Слову похвальному...», дают возможность увидеть конечную направленность литературных поисков Фонвизина в риторических прозаических жанрах: писатель стремился создать новый вариант торжественного панегирического слова, создать, ориентируясь прежде всего на прозаический опыт западноевропейских литератур (немецкой и, особенно, французской), если и не вполне ему современных, то, во всяком случае, удаленных от него не принципиально и, в целом, остающихся в границах просветительской мысли и словесности XVIII века. Национальная традиция при этом не отвергалась вовсе, но все же отодвигалась, что вылилось в стремление если и не положить в основу высокого стиля создаваемый в то время (в том числе и самим Фонвизиным) русский язык, то, во всяком случае, существенно смягчить церковнославянскую стихию на синтаксическом уровне, что придавало ораторской прозе иной, нежели прежде, ритмический рисунок. Тут стоит обратить внимание на то обстоятельство, что и в более поздних сочинениях Фонвизина, относящихся к высокой прозе (хотя и не ораторской), — в «Жизни графа Никиты Ивановича Панина» (1783) и в «Рассуждении о суетной жизни человеческой» (1791), при их насыщенности славянизмами на лексическом уровне, действуют те же синтаксические принципы.

III. Подлинная серьезность достижений Фонвизина в области высокой прозы станет тем более заметной, если не ограничиваться одними ненарративными жанрами (эпидейктическим красноречием), а рассмотреть, в параллель к нему, его опыт в жанре прозаической поэмы, опыт, тоже связанный с переводческими его трудами. Имею в виду «Иосифа».

Поэму в прозе П.-Ж. Битобе «Иосиф», опубликованную на французском языке в Берлине в 1767 году, Фонвизин переводит, так сказать, по самым горячим следам, через два года, в

1769 году; это была совершенная литературная новость. Надо сказать, что ее автор, Поль-Жереми Битобе, во второй половине 1760-х годов был еще сравнительно молодым писателем, он родился в 1732 году (умер в 1808). Уроженец Кенигсберга (он происходил из семьи гугенотов, эмигрировавших из Франции в Германию после отмены Нантского эдикта), Битобе пользовался покровительством прусского короля Фридриха II, поддержавшего его замысел перевести «Илиаду» и «Одиссею» на французский язык; этим переводом Битобе и вошел в историю европейской словесности; при многочисленных своих недостатках и недостаточной поэтичности данный перевод был весьма популярен. Кстати сказать, именно по переводам Битобезнакомился с гомеровскими поэмами юный Пушкин.

«Иосиф» относится к наиболее удачным произведениям Битобе. И хотя прославил его перевод Гомера, собственную поэму Битобе создавал совершенно в другом духе — «это лирическое повествование на библейскую тему, чрезвычайно трогательное, уделяющее много места именно поэтической передаче психологических состояний... В ней силен элемент руссоистической идеализации жизни первобытных пастухов... Самый склад поэмы — лирическая ритмическая проза, напоминающая и Геснера, и даже Оссиана, имеет специфический сентиментально-романтический характер» (Гуковский Г. А. Фонвизин. С. 155). В его поэме действительно можно увидеть один из опытов создания преромантического эпоса, в этом отношении сопоставление «Иосифа» с «Песнями Оссиана» (при всей несопоставимости талантов Битобе и Макферсона) оказывается вполне уместным. Поэтому фонвизинский перевод вполне возможно поставить в ряд с его переводным «Словом похвальным Марку Аврелию» А.-Л. Тома: в обоих случаях писатель стремится в высоких прозаических жанрах опереться на современные ему западноевропейские образцы.

Это не означает, что Фонвизин пренебрегает национальной традицией, в данных жанрах достаточно прочной. Хотя в предисловии к «Иосифу» («От переводчика») он скорее негативно оценивает достижения главного своего русского предшественника — В. К. Тредиаковского, языковая программа его перевода нельзя сказать чтобы существенно отличалась от тех принципов, которым Тредиаковский следовал, — речь идет о принципах, регулирующих соотношение церковнославянского и русского начал в литературном языке. Языковая практика Фонвизина в период работы над поэмой Битобе в целом укладывается в границы славенороссийского языка, что придает языковому облику «Иосифа» вид «несколько нарочитой архаизации» (Пигарев К. В. Творчество Д. И. Фонвизина. С. 68. См. о славенороссийском языке и его роли в языковых процессах середины XVIII века: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996). Но эта архаизация, а говоря другими словами — традиционность, затрагивает только языковой уровень. Уже на уровне стилистическом становится очевидным существенное обновление, которое Фонвизин стремится осуществить в эпическом стиле, с оглядкой (как уже говорилось) на относительно новейшие литературные тенденции Западной Европы. Это обновление можно определить как соединение архаизированного языка, непосредственно выходящего из церковнославянской традиции, с крайней чувствительностью зарождающегося преромантизма; эмоциональные коннотации, вызванные такой чувствительностью, находят свое выражение прежде всего в перифразах и метафорических сравнениях: «Приятна Аврора, украсившаяся розами, испускающими благоухание свое по всей поверхности земли, начала являться на востоке...», «Как огненная ноцию комета носится по неизмеримому небес пространству и пламенный хвост ее, робких устрашая поселян, летает вдали по темному своду, так Далука оком, блестящим от мрачного огня, возженного любовью и злобою, оставя ветрам растрепанные власы свои, среди ночных темноты и смятенных стопы к садам своим направляет». Описания и повествовательные фрагменты такого рода пронизывают текст фонвизинского «Иосифа», придавая ему изрядную долю манерности, в лучших своих вариантах напоминающую манерность прозы Н. М. Карамзина (так раздражавшую А. С. Шишкова): «Ночь, навлекающая тени и отверзающая тем взору нашему великолепное зрелище вселенная, царствовала на поверхности земли, и спокойная луна, окруженная пленяющим своим величеством, к небесам тихо восходила».

Именно это, лирическое по своей родовой природе, начало (так как оно связано в первую очередь — вспомним слова Г. А. Гуковского — со стремлением к «поэтической передаче психологических состояний») с его эмоционально-экспрессивным напряжением, достигаемым прежде всего за счет тропов, и доминирует в переводе «Иосифа»; оно, а не архаизированность языка сама по себе, определяет его стилистическую атмосферу.

Существенно то, что преромантическая лирическая стихия в целом не противоречит архаизированному языку перевода. В какой-то мере это связано с ритмической организацией прозаической материи «Иосифа»: Фонвизин ритмизует текст своего перевода — в соответствии с мелодикой подлинника. Эта подчеркнутая ритмичность текста маркирует его как особый, отличающийся от обычной прозы некоторой возвышенностью, не в последнюю очередь обусловленной определенной аналогией с языком стиховым. Такая возвышенность и делает уместным славянизированность лексики и грамматики: высота языка находит соответствие в торжественности ритмических структур. В результате начинает формироваться преромантические (а уже — сентиментальный) вариант высокого, поэтизированного в этой высоте, прозаического стиля, местами предвосхищающего Н. М. Карамзина, но в гораздо большей степени — А. Н. Радищева. Пожалуй, ни в одном другом сочинении Фонвизин столь явно не приблизился к этому своему современнику (часто сопоставляемому с ним в идеологическом плане), как в «Иосифе».

IV. Впрочем, стилистические переключки с Радищевым совсем не в меньшей степени обнаруживают и переводные опыты Фонвизина в совершенно ином роде, нежели «Иосиф», — в роде сентиментального **романа**. Их примером может послужить перевод **романа**, точнее, повести Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно «Сидней и Силли» (1769). Данная повесть, в оригинале носящее «Сидней и Волсан», является фрагментом обширного сочинения д'Арно «Испытания чувства», она представляет собою сочинение отчетливо сентименталистского толка, им свойственна даже некоторая преувеличенность чувствительного начала **сентиментализма**. В предисловии к «Испытанию чувств» в целом автор именно данное начало и выделяет в своем стиле: «Не заметят в моем стиле ни одного тонкого оборота, который был бы понят только глазами разума; я хотел говорить с сердцем, а не навлекать на себя похвалы» (Arnaud F.-M. *Epreuves du sentiment*. Vol. 1. Paris, 1803. P. XXV–XXVI). Язык, говорящий с сердцем, Фонвизин и старается сделать основой своего перевода. Естественно, это приводило к повышенной экспрессивности стиля, к его преувеличенной чувствительности и даже к эмоциональной холодности: «Я никогда не буду иметь толь каменного сердца, — вскричал я, — сердце сестры бесчеловечной! Прости, злодейка! Отец твой умирает в бедности! И ты его умирать оставляешь, ты, которую он любил так много». Или другой, несколько не менее выразительный пример: «...я приведен был жестокосердием людским к тому, чтобы просить милостыню несчастному отцу моему! Я ожидал ночи и гласом, от слез ослабевающим, гласом мрачным, произношением нестерпимой печали просил я милости у тех чудовищ, которых грудь я растерзать хотел».

«Перед нами типично сентиментальный поэтический стиль» (Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. М.; Л., 1961. С. 81) — с данными словами Г. П. Макогоненко трудно не согласиться, но ведет он отнюдь не к Карамзину, как полагал исследователь, а к беллетристической сентиментализированной прозе, начатой (одновременно с Фонвизиним и независимо от него) Ф. А. Эминым, например, к произведениям Н. Ф. Эмина, и, с совершенно другой стороны, — к А. Н. Радищеву; достаточно обратиться к «Дневнику одной недели», «чувствительным» местам «Жития Федора Васильевича Ушакова» или же «Путешествия из Петербурга в Москву», к некоторым письмам Радищева к А. Р. Воронцову, чтобы в этом убедиться. Речь здесь идет, конечно же, об общем сходстве текстообразующих стилистических принципов, а не о полной близости: стили Радищева и Фонвизина, при некоторых пересечениях, глубоко индивидуальны и подлинно своеобразны; даже в случаях очевидной близости между собой они сохраняют множество отличий друг от друга. И тем не менее можно заметить, что в творчестве Фонвизина — уже в 1760–1770-е годы — начинают проступать стилистические предпочтения, которые

особое значение приобретут под пером Радищева, в те годы еще совсем себя как писателя не проявившего. Это относится и к высокой, торжественной прозе (как в ее идеологическим (панегирики), так и лирико-патетическом («Иосиф») вариантах), и к прозе «чувствительного» толка.

V. Говоря о сентименталистических тенденциях в литературных поисках Фонвизина, необходимо отметить не просто наличие среди его сочинений произведений, безусловно относящихся к сентиментальной словесности, но и — что более важно — подлинную органичность некоторых базовых идей **сентиментализма** для его художественного сознания. Уже выбор для перевода «Сиднея и Силли» (сохраним названия, данном Фонвизиным своему переводу) открывает в Фонвизине человека, в достаточной мере понимающего, что такое **сентиментализм**: роман Бакюлара д'Арно не только содержит стилистически крайне экспрессивное описание экзальтированных чувств (что еще само по себе совсем не означает **сентиментализма**), в нем ощутимы и более серьезные, так сказать, фундаментальные сентименталистические начала, прежде всего — утверждение нравственных достоинств как высшей ценности человеческого бытия. Именно этим — ключевым для **сентиментализма** — положением «Сидней и Силли» и открывается. Собравшись «в вольном доме», некие собеседники, «истощив уже все разговоры о глубочайших политических делах», начинают обсуждать достоинства философов: «Одни вступились за Бакона, другие за Локка, иные за Невтона» (дело происходит в английском «вольном доме», «Сидней и Силли» имеет подзаголовок — «Английская повесть»). Невтону (т. е. Ньютону) оказывают предпочтение, «почти все согласились почтить его героем всех мудрых мужей великой Британии». Но тут в разговор вступает один из гостей, заявляя: «Пусть Исаак Невтон будет человек великий, да я знаю человека еще более его». Этим человеком «еще более» Ньютона и оказывается главный герой повести — Сидней, оказывается исключительно благодаря своему благодетельному сердцу.

Еще значимее то, что, запечатлевая окружающий мир и передавая собственные переживания уже не в полностью и безоговорочно художественном, но отчасти и в документальном слове — в письмах и мемуарах, — Фонвизин нередко характеризует человека (себя самого или своего адресата, если иметь в виду переписку) совершенно в духе сентименталистической концепции личности. Уже в письмах сестре, Федосье Ивановне, в Москву из Петербурга во второй половине 1760-х годов «появляется желание рассказать о своей нравственной жизни..., сделать письма исповедью» (Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. С. 87), причем, словесно оформляя собственный внутренний мир, автор следует сентименталистским моделям: «Теперь сижу я один в моей комнате и, говоря с тобою через письмо, чувствую в тысячу раз более удовольствия, нежели вчера и третьего дня, окружен будучи великим множеством людей. Воображаю тебя, говорю мысленно с тобою, тужу с тобою о том, что мы разлучены, и бог знает, надолго ли. Наконец, чувствую, что сердце мое терзается от того, что представляют мысли». Этот, и подобные ему, эпистолярные пассажи кажутся прямо перенесенными в письма со страниц сентиментального **романа**. Кстати сказать, Г. П. Макогоненко и объяснял сентиментальное начало в письмах Фонвизина к сестре 1760-х годов, в том числе и приведенный только что фрагмент, опытом переводов сентиментальной литературы.

Но дело здесь обстоит сложнее, в частности, цитированный выше отрывок, во-первых, создан очевидно задолго до завершения перевода повести Бакюлара д'Арно (он был опубликован в 1769 году, письмо же датировано январем 1766), а во-вторых, его стилистика разительно отличается от стиля фонвизинского перевода «Сиднея и Силли». Не прямым воздействием переводимого сентиментального сочинения, а проникнутостью духом **сентиментализма** следует, скорее, объяснять сентиментальные фрагменты документальной прозы Фонвизина. Причем для выражения сентименталистических тем и мотивов писатель использовал стилистические средства, весьма разнящиеся друг от друга; об этом свидетельствует предельное несходство стилистики его «Сиднея и Силли» и писем или «Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях». В последнем — фонвизинском мемуарном шедевре — автор описывает единственную любовь своей жизни. Сама по себе эта трогательная и возвышенная история

не связана с репертуаром сентименталистической литературы; поэтическое свое воплощение она могла бы найти в рамках едва ли не любого стиля; однако применительно к литературной жизни середины — конца XVIII столетия она в первую очередь соотносилась с художественной практикой именно **сентиментализма**: собственно говоря, процитированный фрагмент из «Чистосердечного признания...» выглядит как сокращенное изложение фабулы сентименталистического **романа** (или, во всяком, случае, **романа**, связанного с сентименталистским восприятием мира и человека), как его своего рода экстракт. Но его словесная фактура совершенно иная; ясная, четкая и крайне эмоционально емкая в своем лаконизме, она далека не только от массовой сентименталистской продукции (даже и относительно высокого качества), но и от таких безусловных шедевров **сентиментализма**, как «Юлия или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, «Страдания юного Вертера» И.-В. Гете, а если оставаться в границах русской словесности, то от повестей Карамзина или же «Дневника одной недели» Радищева. Она скорее ближе позднейшей прозе, напоминая неоконченные произведения, а точнее — планы и наброски, — Пушкина, и, особенно, совсем уже исторически далекое от фонвизинских мемуаров сочинение — рассказ А. П. Чехова «О любви». Последним автобиографическое повествование Фонвизина роднит и целый ряд деталей. Недаром Г. П. Макогоненко назвал этот фрагмент «Чистосердечных признаний...» одной «из замечательных страниц реалистического русского **романа**» (Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. С. 368).

VI. Как видим, спектр литературных поисков Фонвизина весьма и весьма широк; к тому, о чем уже говорилось, т. е. к разным вариантам высокого стиля, к словесным упражнениям в духе **сентиментализма**, можно еще добавить и многое другое. Так, немалый интерес представляют фонвизинские опыты создания моралистической афористической прозы. Опыты эти, кстати, созвучные только что рассмотренному отрывку, наиболее яркое свое воплощение получили в «Опыте российского сословника».

«Опыт российского сословника» во многом связан с филологическими и, уже, — лексикографическими интересами писателя, прежде всего — с его размышлениями о том, как следует вести работу над толковым словарем русского языка, размышлениями, связанными с деятельностью Фонвизина в качестве члена только что созданной Российской Академии, президент которой Е. Р. Дашкова Фонвизина ценила и поддерживала. «Опыт...» был опубликован в журнале «Собеседник любителей русского слова» в 1783 году и включал в себя объяснения 105 слов-синонимов; вместо термина «синоним» Фонвизин использовал его русский эквивалент «сослово». В своей работе писатель опирался на популярный в середине XVIII века словарь аббата Г. Жирара (1677–1748) «Французские синонимы», в определении значений приводимых им слов он строго следует за своим источником. Однако вышедшее из-под его пера сочинение далеко выходит за лексикографические рамки, в нем «Фонвизин объединил свои филологические наблюдения с афористическими высказываниями по вопросам морали и политики» (Кочеткова Н. Д. Фонвизин // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010. С. 314). Политическая составляющая, а точнее сказать — обличительное начало отчетливо заметно в «Опыте российского сословника», многие приводимые автором конкретные примеры-пояснения призваны в первую очередь показать несовершенства русской государственно-общественной жизни. Однако этот труд, все же, скорее морализаторский, нежели сатирический, в ряде случаев Фонвизин блестяще соединяет нравоучительную глубину мысли, поданную не без остроты, так сказать, повернутую не вполне обычной своей стороной, со сжатой выразительностью слова, что делает некоторые фонвизинские толкования образцами русского афористического глубокомыслия. Примерами здесь могут послужить статьи «Проступок, вина, преступление, грех», «Беспорочность, добродетель, честь», «Правота, правосудие», «Ум, разум, разумение, смысл, рассудок, рассуждение, дарование, понятие, воображение, толк»; последняя отмечена несомненной тонкостью в интерпретации семантики синонимов, включая рассуждения по поводу значения префикса «рас-». Лингвистическая направленность, несмотря на явно моралистический крен фонвизинского словаря, всегда остается в нем осязаемой.

Надо сказать, что Фонвизин серьезно относился к «Опыту российского сословника»; когда в ответ на первую его часть появилась (в том же «Собеседнике...») критическая рецензия (ее автором, возможно, был Д. Е. Семенов-Руднев), то Фонвизин ответил на критику не без желчной запальчивости. Это объясняется не одной нетерпимостью, хотя Фонвизин был человеком в своей язвительности малотерпимым, но и ощущением важности (во всяком случае, для себя самого) данного сочинения: морализаторская афористичность вообще была ему присуща. Об этом свидетельствуют его письма, особенно поздние, второй половины 1770-х — 1780-х годов, его нарративная проза, например «Каллисфен», многие изречения положительных героев «Недоросля». Несколько в ином развороте, но эта же сторона его таланта проявляется и в его религиозном эссе «Рассуждение о суетной жизни человеческой» (1791). Конечно, Фонвизин не был Шамфором или Вовенаргом, но в русской словесности второй половины XVIII века именно ему принадлежит если и не лучшие, то, во всяком случае, блестящие образцы нравоучительной прозы.

То же самое можно сказать и о частной переписке Фонвизина, которая представляет собою одну из самых выдающихся страниц в истории русской эпистолярной литературы, и не одного лишь XVIII столетия; Фонвизин как эпистолограф смело может быть поставлен в один ряд с П. Я. Чаадаевым, А. С. Пушкиным, Ф. И. Тютчевым, И. С. Тургеневым, Б. Л. Пастернаком, т. е. с крупнейшими мастерами в этом жанре.

Письма Фонвизин писал много и охотно, обращая их к разным людям: вельможам (М. И. Воронцову, А. М. Голицину), начальникам и влиятельным знакомцам (И. П. Елагину, Е. Р. Дашковой, Я. И. Булгакову), родным. Впрочем, четко классифицировать адресатов его переписки затруднительно, да и не нужно; например, П. И. Панин (а ему адресованы многие самые яркие фонвизинские письма) — одновременно и важный (хотя и активно нелюбимый императрицей) вельможа, отчасти и покровитель, и друг. Или Я. И. Булгаков — университетский одноклассник и, одновременно, делающий успешную карьеру дипломат. Конечно, как любое частное письмо, письма Фонвизина разнятся в зависимости от их адресатов, но разница эта все же не чрезмерная; многие его письма написаны (при известной вариативности) в целом в одной манере. Из них, пожалуй, самыми выразительными являются письма к родным — родителям и сестре, а впоследствии ее семейству, и к П. И. Панину, брату наиболее важного Фонвизину и дорогого ему государственного деятеля, покровителя и, в некотором смысле, даже друга Н. И. Панина. Петр Иванович Панин — крупный полководец и человек государственного ума, оппозиционер и желчный критик правления Екатерины II, как и его брат, был Фонвизину чрезвычайно близок и к нему дружественно настроен.

VII. Пытаясь охарактеризовать письма Фонвизина в целом, можно, прежде всего, отметить следующее: во-первых, они отмечены очень большой (если не чрезвычайной) содержательностью, причем содержательность эта, так сказать, двойного рода: информативная и концептуальная. Действительно, фонвизинские письма постоянно насыщены самой разнообразной информацией; в них сообщается о происшествиях светской жизни и о литературных планах автора, о людях и событиях культуры, о придворных интригах, денежных обстоятельствах, душевных переживаниях и т. д. и т. п. Все, что попадает в поле зрения Фонвизина (а кругозор его был весьма и весьма широк), так или иначе попадает в его переписку, попадает и в незначительных, казалось бы, подробностях, и в самых крупных и выразительных своих чертах; особенно это заметно в его заграничных письмах — из Франции (1777–1778) и из Италии (1784–1785).

Но содержательность фонвизинского эпистолярия далеко не ограничивается простой информативностью; наряду с насыщенностью сведениями самого разного рода, он отмечен глубокими и продуманными идеологическими обобщениями: Фонвизин не ограничивается, так сказать, скольжением по поверхности той жизни, которую он в письмах описывает, он стремится понять законы, на которых жизнь эта строится и которые ею управляют, хочет постигнуть внутренний ее смысл. Опять-таки, эта концептуальность наиболее отчетливо проявилась во французских его письмах, особенно в тех из них, что адресованы П. И. Панину. В

них Фонвизин скорее не описывает увиденное, но излагает тщательно продуманные и сведенные в единую систему идеи; именно идеологическая концепция определяет как структуру отдельного письма, так и строение всего цикла: и на микротекстовом уровне (отдельное письмо), и на уровне макротекстовом (комплект писем в целом) эпистолярная наррация подчиняется развитию определенных идей; вводимые — и достаточно многочисленные — факты французской жизни служат лишь иллюстрациями обобщенных размышлений.

Второй выразительнейшей особенностью писем Фонвизина является их совершеннейшая непринужденность, причем непринужденность особого рода: писатель в пределах одного письма чувствует себя абсолютно свободным; легко, «непримерным образом» (как выражается он сам) переходит Фонвизин от одного предмета к другому. И дело здесь не ограничивается многотемностью писем — автор не только затрагивает темы действительно совсем разные — меняется эмоциональная атмосфера эпистолярного повествования. Чувствительность сменяется трезвыми расчетами (или, напротив, сменяет их), затем начинается ощущение рассеяния светского человека, в которое врзается сатирическая резкость либо идеологическое обобщение — подобная вариативность постоянна в письмах Фонвизина, конечно, не всех, но наиболее для него характерных, причем такое многообразие не приводит к калейдоскопичности: письма Фонвизина разнообразны, но не разнородны, гетерогенными их назвать никак нельзя. При всех изменениях, происходящих внутри него, каждое отдельное письмо обладает цельностью и единством.

Единство это обуславливается, в первую очередь, пожалуй, единством стиля, которое проявляет себя не в однообразии, являющемся следствием последовательного и неизменного использования однотипных языковых единиц, а, наоборот, в свободном соединении разнообразных языковых средств, в конечном счете соединяющихся в некую гибкую и динамично функционирующую систему. Действительно, языковой спектр фонвизинского эпистолярия очень широк, он активно использует просторечие, отвлеченную идеологическую лексику, церковнославянизмы, последние — с разными целями: и нейтральными, и высокими, и сатирическими. Но все это объединяется общей основой — разговорного нейтрального языка, в тот момент только-только создающегося. Это крайне существенно — Фонвизин, как и большинство других писателей-языкотворцев середины-конца XVIII столетия, творивших язык своих произведений в ориентации на *usus loquendi* (т. е. на «естественное словоупотребление», на разговорный язык) не мог просто опираться на этот разговорный узус, так как в готовом виде тот еще не существовал. Фонвизин отчасти и сам должен был его как бы моделировать, прогнозируя его реальное будущее. Не случайно язык Фонвизина достаточно отчетливо эволюционировал, причем эволюционировал как раз в стороны усиления внутрисистемных связей в результате все большего доминирования разговорного нейтрального языка как основы достигаемого синтеза разных языковых составляющих. Можно сказать, вслед за А. И. Горшковым, что эволюция языка Фонвизина была, одновременно, и его усовершенствованием, причем усовершенствование определялось не только индивидуальным ростом писателя, но и общим развитием русского языка, в частности все более отчетливым формированием нейтрального разговорного языка образованных людей, который мог бы быть положен в основу формирующегося литературного языка (См. о языке Фонвизина и его эволюции: Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. С. 72–129). Фонвизин к этому и стремился; он был здесь не первым, но одним из наиболее удачливых: язык его прозы во многом подготавливал языковую творческую деятельность Пушкина (вне зависимости от того, насколько Пушкин это осознавал), эпистолярный же стиль писателя с редкой полнотой отражает его общие поиски, в том числе — и языковые.

Как видим, творчество Фонвизина-прозаика носит очень многообразный характер, вряд ли кто-нибудь из его современников может быть сопоставлен с ним с точки зрения разносторонности художественных начинаний, да и их успешности. И в развитии высоких реги-

стров торжественной прозы, и в создании новых вариантов лирико-эпического стиля, и в эпистолографии, и в формировании сентиментального **романа**, и во многом другом — всюду оставил он свой особенный след, может быть в большей мере, нежели другие его современники, определив дальнейшее развитие русской прозы.

П. Е. Бухаркин

Контрольные вопросы к основному учебному тексту

- а) Какова роль Д. И. Фонвизина в формировании русской прозы второй половины 18 века?
- б) В чем состоит несовпадение литературной репутации Д. И. Фонвизина и его реального вклада в развитие русской литературы?
- в) В чем проявилось влияние сентиментализма на Д. И. Фонвизина?
- г) Как можно охарактеризовать эволюцию фонвизинского художественного языка?

Обязательные научные тексты

1. Степанов В. П. Фонвизин // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980. С. 655–672.
<http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl1/rl1-6552.htm>

2. Вяземский П. А. Фон-визин (отрывки) // Гуськов Н. А. История русской литературы XVIII века. Учебная книга. СПб., 2009. С. 327–337.

Дополнительные научные тексты

1. Ильичев А. В. О метафизическом сюжете комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. СПб., 2008. С. 77–85.
<http://18vek.spb.ru/sbornik-2.pdf>

2. Разумовская М. В.: "Естественная история" Бюффона и Фонвизина (к постановке вопроса) // XVIII век. Сборник 15. С. 97–108.
http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/15_tom_XVIII/Razumovskaia/Razumovskaia%20-%200097.pdf

Контрольные вопросы к научным текстам

1. Степанов В. П. Фонвизин // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980. С. 655–672.

- а) Как в статье охарактеризована связь литературной и общественно-политической деятельности Д. И. Фонвизина?
- б) В чем своеобразие просветительской позиции Д. И. Фонвизина?

2. Вяземский П. А. Фон-визин (отрывки) // Гуськов Н. А. История русской литературы XVIII века. Учебная книга. СПб., 2009. С. 327–337.

- а) Как П. А. Вяземский описывает исторический контекст литературного творчества Д. И. Фонвизина?
б) В чем П. А. Вяземский видит новаторство Фонвизина-драматурга?

Источник

Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959.
<http://rvb.ru/18vek/fonvizin/toc.htm>

Упражнения

1. Сравните характеристики общественно-политической деятельности Д. И. Фонвизина у П. А. Вяземского и В. П. Степанова (см. обязательные научные тексты).
2. Сравните стиль «Сиднея и Силли» и писем Д. И. Фонвизина к сестре второй половины 60-х гг. (прочитайте два любых письма на ваш выбор). Воспользуйтесь указанным источником.
3. Прочитайте «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» Д. И. Фонвизина. Выделите черты сентиментального стиля.

Библиография

1. Вяземский П. А. Фон-визин (отрывки) // Гуськов Н. А. История русской литературы XVIII века. Учебная книга. СПб., 2009. С. 327–337.
2. Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982.
3. Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы. Т. IV. М.; Л., 1947.
4. Ильичев А. В. О метафизическом сюжете комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. СПб., 2008. С. 77–85.
5. Кочеткова Н. Д. Фонвизин // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 3 (Р–Я). СПб., 2010.
6. Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. М.; Л., 1961.
7. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969
8. Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954.
9. Разумовская М. В.: "Естественная история" Бюффона и Фонвизина (к постановке вопроса) // XVIII век. Сборник 15. С. 97–108.
10. Степанов В. П. Фонвизин // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980. С. 655–672.

Тест

1. Пребывание в какой из европейских стран определило критическое отношение Фонвизина к Западной Европе?
 - а. Италия
 - б. Франция
 - с. Англия

- d. Германия
2. Обучение в каких учебных заведениях сформировало литературные интересы Д. И. Фонвизина?
- Московский университет
 - Гимназия при Московском университете
 - Сухопутный шляхетный корпус
 - Академический университет
 - Академическая гимназия
 - Славяно-греко-латинская академия
3. Какие из перечисленных сочинений принадлежат Фонвизину?
- «Отрывок путешествия В*** И*** Т***»
 - «Письма русского путешественника»
 - «Рассуждение об оде вообще»
 - «Иосиф»
 - «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»
 - «Предисловие о пользе книг церковных»
 - «Опыт российского сословника»
4. В каких произведениях Д. И. Фонвизина непосредственно отразился опыт его пребывания в Западной Европе?
- «Каллистен»
 - «Бригадир»
 - «Недоросль»
 - «Рассуждение о непременных государственных законах» («Завещание Панина»)
 - «Письма из Франции»
 - «Корион»
5. Какие писатели были членами елагинского кружка?
- В. И. Лукин
 - А. П. Сумароков
 - Д. И. Фонвизин
 - А. Н. Радищев
 - Г. Р. Державин
 - Н. А. Львов
6. Какие вельможи XVIII века сыграли важную роль в судьбе Д. И. Фонвизина?
- Г. А. Потемкин
 - И. И. Шувалов
 - А. Г. Разумовский
 - И. П. Елагин
 - А. Г. Орлов
 - Н. И. Панин
7. Комедия "Недоросль" впервые была поставлена:
- в 1769 году
 - в 1779 году
 - в 1782 году
 - в 1784 году
8. Какие из перечисленных текстов принадлежат к ораторской прозе Д. И. Фонвизина?

- a. «Слово похвальное Петру Великому»
- b. «Памятник дактило-хореическому витязе»
- c. «Жизнь графа Н. И. Панина»
- d. «Слово о Ломоносове»
- e. «Слово на выздоровление Павла Петровича»
- f. «Слово похвальное Марку Аврелию»
- g. «Каллисфен»

9. Какие из данных произведений Фонвизина являются стихотворными текстами?

- a. "Корион"
- b. "Бригадир"
- c. "Недоросль"
- d. "Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке"

10. «Друг честных людей, или Стародум» – это:

- a. поэма
- b. критическая статья
- c. мемуары
- d. сатирический журнал
- e. комедия